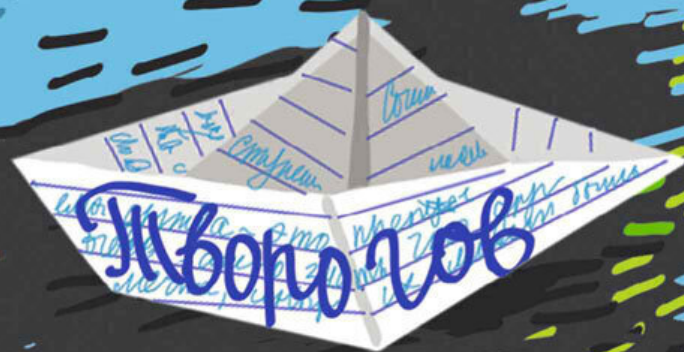

НИНА ДАШЕВСКАЯ

ПОИСК ЗВУЧКА.

Встречное движение

Нина Дашевская

Поиск звука. Творогов

«Самокат»

2021

Дашевская Н. С.

Поиск звука. Творогов / Н. С. Дашевская — «Самокат»,
2021 — (Встречное движение)

ISBN 978-5-00167-319-4

Ваня Творогов из «Поиска звука» — подросток, который хочет, чтобы его оставили в покое. Все учителя, друзья, родители, даже автор. Ловит за хвост идею, к примеру сделать серию необычных фото, и тут же отпускает — «мне лень». Не лень, конечно, просто все мы очень устали. А чтобы найти силы, самое важное — свой собственный «звук».

ISBN 978-5-00167-319-4

© Дашевская Н. С., 2021

© Самокат, 2021

Нина Дашевская Поиск звука. Творогов

* * *

- Ну, и чего ты здесь. Уйди. Я читаю.
– Ничего ты не читаешь. Ты всё равно о другом думаешь.
– Точно; разучилась читать. Но если сначала себя заставляешь, то потом, может, втянусь.
– Да не втянешься. Тебе же неинтересно.
– Ваня. Откуда ты знаешь, что мне интересно, а что нет? Я иногда читаю взрослое, это нормально. Уйди.
– Ну-ну.
– Чёрт, Ваня. Зачем ты? Что это вообще такое?!.
– Что-что, а то не знаешь. Школьная повесть.
– Какая ещё школьная повесть? Про тебя, да? Скажи ещё, что ты двоечник.
– Ну, двоечник.
– Идиотизм. Кому нужна школьная повесть про двоечника? Их что, мало?
– Назови вот одну.
– Ваня, ну ты же сам понимаешь, ты же неглупый мальчик (сними эти идиотские очки). Нельзя писать просто «школьную повесть про двоечника». Ты должен быть... Нет, он ещё нос рукавом вытирает! Детский сад. Скажи ещё, что у тебя веснушки. И... это... непокорная чёлка. Или ещё лучше – непослушные вихры. О, вот – доверчивый взгляд! Хочешь такой?..
– Вообще треш, – Ваня фыркает, выплёскивает на меня чай. Никаких веснушек у него нет.
– Ты совсем дурак, что ли?
– Дурак, да не совсем.
– Я не буду про тебя писать. Иди, откуда пришёл.
– Ну и ладно. Ну и уйду. И останется тебе только, что у меня родители – артисты. А я двоечник. Тебе слабо про двоечника, у тебя умные все, да? Олимпиады по математике. Скрипка, виолончель. Да? А если нет – то всё, тебе неинтересно? Про обычного человека...
– Перестань. Какой ты обычный; обычные вот так не приходят. Скажи лучше, чем ты такой особенный. Я пока так и не поняла.
– Потому что ты вообще мало что понимаешь. Потому что ничего не напишешь. Попробуй-ка напиши, тебе и самой не понравится – тупо, тягомотно, никто и читать не станет. Как ты говоришь – плоско, скучно.
– Стоп; брать на слабо – это вроде мой приём.
– Ну и как, работает?.. Всё равно ничего не напишешь.
– Вань. Хватит вот эту ерунду. Скажи хоть, про что писать. А? Хочешь, я тебе скутер подарю? Ваня, чего ты хочешь – всё у тебя будет!
– Да мне не нужно ничего. Я пошёл, короче.
– Нормальный человек, нет?
– Нет. Ненормальный. А ты иди спи. Или вон читай, может, вычитаешь что. Давай-давай. Я пошёл.
– Вернёшься хоть?.. Иван!

* * *

– Актёром, – говорит Джефф. – Правда, туда конкурс огромный. Чего, думаешь, я не смогу?

Он поправляет волосы – белый клок закручивается надо лбом. Я раньше думал – идиотизм это, волосы красить, да ещё и гелем укладывать. Но сейчас смотрю на Джеффа – и у него это довольно круто выглядит. Особенно в сочетании с его дельтовидными мышцами, или что там за такие плечи отвечает.

– Туда же ещё стихи нужны, – говорит Володя Стоун. – Наизусть, с выражением! Не только физическая подготовка.

Я хмыкаю. Они что, реально думают, в актёры берут одних красавцев? Что стихи наизусть – это так, бонус к внешности?

– Даже не думай, – говорю я Джеффу. – А то ещё, чего доброго, и правда поступишь. И даже закончишь. И потом в рекламе будешь сниматься, чипсы рекламировать.

Я киваю на рекламный щит. Там парень с раскрытым ртом и выпученными глазами изображает счастье.

Джефф выпучивает глаза и раскрывает рот. Кстати, очень похоже.

Мы со Стоуном ржём, как кони, я даже задел какую-то хмурую женщину с пакетом. Она выражается в наш адрес, скажем так, неодобрительно.

– Извините, – говорю я максимально вежливо. А Джефф вдруг спрашивает:

– Может, вам помочь пакет донести?

– Психованные какие-то, – бормочет она себе под нос и уходит от нас поскорее.

Джефф это любит, такие эффекты. Сбить человека с толку, «сломать шаблон», как он говорит. Он же не из человеколюбия ей предложил помочь, а так, удивить. Кстати, может, у него и выйдет это – актёром. Вот же дурацкая профессия.

– Я в шесть лет ходил в театр на кастинг, – говорю я.

– Ты?!.

Чего они так удивляются, даже обидно. Все как-то забывают о моих родителях. Вернее, думают – актёры должны быть необыкновенные какие-то люди! А они у меня обычные.

– А, точно, – говорит Стоун. – И что, прошёл?

– Завалил, конечно. Обрадовался страшно! Я ведь не хотел, это они меня потащили. Вы же себе не представляете, какая у них там работа, в театре: ни сна ни отдыха измученной душе!

– Это Пушкин? – на всякий случай спрашивает Джефф.

– Сам ты Пушкин! Поступать ещё куда-то собрался! Это опера, «Князь Игорь» называется. Композитора Бородина.

– Который химик, – уточняет Стоун. И ещё спрашивает: – А что, твоим родителям разве не нравится их работа?

– Им? Они без неё жить не могут, а то бросили бы давно.

– А тебе, значит, не нравится.

– Нет, – говорю я. – Я никогда не хочу так, как они. У меня такое счастье было, когда я кастинг не прошёл! Мы тогда ещё пошли с папой мороженое есть. Он думал, я расстроился и меня надо утешать. И я ел мороженое с таким печальным лицом. А про себя думал: читать, читать и гулять! Свобода!

– Это ты в шесть лет читал, что ли?.. – спрашивает Джефф.

– Ну, конечно. До школы как раз лучше всего читать, пока время есть.

Мы идём с Джеффом и Стоуном. И я думаю: это могла быть фраза из американского романа. Если не называть моего собственного имени.

* * *

А время, кстати, у меня и сейчас есть. Ни у кого нет, а у меня – полно. Главное – выбрать себе правильную роль. Я и выбрал, и играю – только не в театре, а в жизни. Я лентяй и двоечник, так привык. Мне удобно. Потому что я не хочу, не хочу ничего делать! По крайней мере, ничего лишнего. Зачем?

Я обычный, у меня и имя самое обычное – Иван. Не надо мне ставить целей, добиваться. Не надо никаких конкурсов и олимпиад. Даже уроки так, почти не надо, только для себя посмотреть, если что непонятно. Я не люблю, когда непонятно – у меня мутно делается в голове и читать мешает. Так что я в целом школьную программу знаю, экзамены сдам. Но отвечать на уроках совершенно не обязательно. Плевать я хотел. Я буду курьером. Или барменом. А в свободное от работы время – ходить и читать. Читать, читать и потом ходить, когда глаза устанут. Курьером – это ближе к ходьбе: будет такая работа, ходить; а остальное время можно читать. А если барменом – то наоборот, это ближе к еде. От еды никуда не деться, но я хочу обходиться самым минимумом. Мне хватит. Чтобы всё остальное время – читать и ходить, ходить и читать. На это ведь денег не надо. Ходить можно бесплатно.

У нас через дорогу на первом этаже бар. Туда вечером заходят люди – в костюмах, галстуках. И вот я думаю – они, значит, работают изо всех сил, устают. Чтобы вечером пойти отдохнуть в бар. И там сидеть со своим пивом, или что там им наливают. И платят они вот этими деньгами, заработанными. Отдыхают, чтоб с утра снова на работу; работают, чтоб вечером снова отдохнуть.

На редкость осмысленный образ жизни, ну.

При этом если человек просто смотрит на них в окно – он лентяй и бестолочь.

Конечно, кто-то скажет, что они работают на благо человечества. Да? Вот это тыканье в комп, в телефон. Вот эти ворохи никому не нужных бумаг в офисе, нервные телефонные разговоры, красные глаза, в результате – ура! Продал дороже! – это благо человечества, да?..

Нет, конечно, есть люди, которые реально работают. Плотники. Сталевары. Или землекопы. Во, это мои любимые – землекопы. Они все работают, мы знаем это из учебника математики. Причём одни землекопы работают в полтора раза быстрее других, зато на четырнадцать дней меньше, и сорок процентов... Чего там было сорок процентов?.. Ну, неважно. Главное, что люди в баре не похожи на землекопов и плотников.

Я никогда не буду таким, как они.

Иногда я мысленно заменяю землекопов из учебника на голых землекопов. Есть такой зверь, довольно симпатичный, кстати. Если на геометрии представлять себе голых землекопов, мир приобретает удивительный объём. Играет красками. А ещё землекопов можно поменять на землемеров. Господин Землемер. Люблю Кафку, хороший писатель, жизненный.

...На фоне посетителей бара у бармена жизнь гораздо интереснее. Ему не надо идти в бар после работы – он и так уже там. И рано вставать не надо. Валяйся утром, читай себе хоть Кафку, хоть Стивена Кинга. Интересно, вот у этих посетителей бара есть время на Кафку? А у бармена наверняка есть.

* * *

– Ваня, давай махнёмся? Я тебе алгебру, а ты мне сочинение. Давай? А то мне реально некогда, понимаешь? Время тратить ещё на эту ерунду!

Мы идём мимо серых девятиэтажек, мимо магазина «Продукты», мимо самых обычных кустов, на них висят самые обычные капли дождя, но это всё равно очень красиво. Мы идём, не останавливаемся: мимо трамваев, мимо проводов, мимо балконов – мимо всего. То есть это

Стоун идёт мимо, а я на всё смотрю. И всё вижу. Я – не мимо, я всё пропускаю через себя. А Стоуну ничего этого не нужно, он живёт внутри своей головы. У него там, как я себе это представляю, бесконечные цифры и неизвестные мне символы. Школьную алгебру он делает одной левой, думая в это время о другом; решает такие задачи, в которых мне даже условие недоступно. Реально левой: Володя Стоун – левша.

– Зачем мне алгебра? – спрашиваю я. – Я же не делаю домашку. Ты забыл? Ты мне лучше объясни вот эти отрицательные корни, я недопонял. А сочинение я тебе и так напишу. Конечно, напишу.

– Только похуже. Ладно? – просит Стоун. – Чтобы Марьяша не расколола.

Как будто первый раз. А то я не знаю, как Стоуну надо писать сочинения. Рублеными предложениями, коротко, информативно. Никаких сантиментов, голый алгоритм.

«В этом произведении автор показывает жизнь трудового народа. Жизнь эта трудная».

Это я в прошлом году ему написал. Марьяша посмеялась и поставила Стоуну четыре. Не ставить же ему тройку, он же умный.

Вообще – если бы я сам придумывал себе друзей, то с Джеффом не уверен, я бы ещё подумал, как лучше. Но Володю Стоуна я бы точно сочинил таким, какой он есть. Вернее, я не смог бы его такого придумать – воображения не хватило бы.

Стоун говорит, что всё понял про себя в семь лет. Ему отец рассказал про мнимое число – корень из минус единицы. То есть такое число не может существовать в принципе, ведь любое число в квадрате – положительное. А из отрицательного корень... как?

У меня в этом месте начинает плавиться мозг. А Стоун в своём совсем ещё нежном возрасте испытал счастье. И с тех пор главная его жизнь происходит где-то там, в числах. Даже удивительно, что он находит время вынырнуть из своего мира и обнаружить меня, например. Может, это оттого, что я с ним не спорю. Я просто слушаю. Его можно слушать бесконечно. Жалко, что он сейчас редко посвящает меня в свою мыслительную деятельность, просто идёт рядом, и всё. Понимает, что мы с Джеффом никогда его не догоним. Но всё-таки он идёт с нами, и я этим даже как-то горжусь.

– Смотрите! – кричит Джефф, и мы останавливаемся. Я задираю голову и смотрю, смотрю. Какие высокие, узкие окна. Как водосточная труба изламывается, огибая карнизы, и весь дом – не московский совсем, узкоплечий, питерский. Я в Питере был только в раннем детстве, почти ничего не помню – только вот это ощущение, что дома устремлены вверх. Один раз зашёл в гуглокарты – и испугался: не хочу так, хочу на самом деле. И сейчас показалось – это дом именно оттуда, устремляется в акварельное небо. И там, на крыше – тень его соседа, брандмауэр жёлтого кирпича будто защищает мечтательного младшего брата от ветра.

– Где? – спрашивает Стоун. Не понимает, куда смотреть.

– Так вот же! Собака!

... Конечно, Джефф смотрел на собаку. Золотистый ретривер. Да, красивый. Джефф тоже любит красивое. Да мы все любим красивое, чего там.

* * *

Стоун начался с вот этого корня из минус единицы, а я сам начался с одного слова. До этого тоже был я, но другой; себя не осознавал, просто жил, и всё.

Родители у меня иногда уезжают со своим театром на гастроли, чаще мама – и я остаюсь с папой. Я иногда даже не замечал, что она уехала, иногда спрашивал вечером: а мама когда придёт? И папа отвечал: послезавтра. А в тот раз они уехали вместе, и меня отправили к Ане.

То есть сначала решили, что мамина подруга Аня Чумакова будет просто приезжать меня кормить. Но потом передумали – и отправили меня домой к Ане на всю неделю. В свою школу я два дня съездил на метро, а потом Аня мне сделала справку, совершенно спокойно: в школе скажешь, что болел. ОРВИ. Нечего в метро столько времени проводить, дома всё выучишь. Ничего такого нет страшного – в третьем классе неделю пропустить.

И меня тогда поразил этот подход: вроде враньё же, справка. Но ведь и правда – я честно всё выучу (я тогда ещё учился нормально); а в метро ужасная толкотня по утрам. «Наездишься ещё», – сказала Аня; и была права.

...Она старше моих родителей, но я называю её просто Аня. И живёт она в центре.

То есть про липовую справку не так уж и важно. А важно, что я вдруг жил целую неделю в совсем другом месте. И каждый день мы с Аней выходили из дома и шли. Просто шли – по уже знакомым улицам, а потом поворачивали на незнакомые, и она мне всё рассказывала: этому дому больше двухсот лет, а тут была аптека с ещё дореволюционных времён, её закрыли совсем недавно – так и осталась старинная вывеска, видишь? Её сначала замазали, а недавно был капитальный ремонт дома – и открылось. А здесь был трамвайный парк. Причём старинный – ещё до электрических трамваев были на конной тяге, и тут у этой конки было депо. Сохранились и конюшни, и вагоноремонтный зал. Да, представляешь? А тут была подпольная типография. А в этой школе преподавала моя бабушка, совсем молодая, ещё до войны. С войной пришлось всё бросить, всё... А вот тут жил Коля Савельев, я к нему ходила физику учить. А он мне ставил Верди, такой сумасшедший Коля, оперу любил как никто – я из-за него и в училище пошла музыкальное; а папа у него был профессор химии, открыл что-то страшное и никому не рассказывал, боялся... Да, вон их дом – видишь, где на брандмауэре написано «Спартак»?

– Где написано? – спросил я.

– На брандмауэре, – повторила Аня.

И я замер. А она уже объясняла:

– Брандмауэр – это глухая стена, противопожарная, её специально строят выше уровня крыши. Чтобы если пожар – огонь не перекинулся. Да, вот эта жёлтая стена и есть брандмауэр, и та розовая тоже.

«Брандмауэр», – повторил я тихонько. «Бранд-мау-эр». И ещё раз. И ещё.

...И подумал, что хочу жить где-то в маленькой комнате под самой крышей. Чтобы все дома разные, у каждого своё лицо. И пусть течёт с потолка и капает в ведро – мне всё равно. Я буду тут читать и ходить. Смотреть на брандмауэры.

Это я тогда, ещё в третьем классе так решил. И до сих пор не передумал.

Мой район, кстати, тоже не совсем типовой. И дома интересные встречаются. Просто раньше я их не замечал, привык. А после этих походов с Аней у меня будто глаза раскрылись. Голову стал вверх поднимать. Какой кирпич, какая кладка. Водосточные трубы. Тени. И снег, как вот он лежит – снег. Всегда по-разному. И как ледяная рука торчит из водосточной трубы. И красное кресло в снегу на балконе. И когда включаются фонари – всё становится иначе. Проступают тени, будто кто чернильной ручкой обвёл контуры карандашного рисунка. И брандмауэры. Вот это... Стены. Глухие, молчаливые. Скрывают как будто бы что-то. Чьи-то тайны... или жизни? Окна меняются, в окнах меняется жизнь... А брандмауэры ничего наружу не показывают. Они стоят. Несут. И небо, вокруг них – небо.

Оказалось, в нашем районе тоже есть дома с такими брандмауэрами. Я все их знаю наизусть. Мне нравится это: ходить и смотреть. Смотреть и ходить. Такой вот у меня план на жизнь. Главное – время у меня есть. Как бы только не потерять ощущение, что время есть.

* * *

– Совершенно нет времени, ну что это! Хоть бы ещё пару дней...

– Успокойся, – говорит папа. – Это же всегда так перед премьерой, ну что ты. Всегда не хватает.

– Такого ещё не было! А оркестр... это же кошмар! С роялем всё нормально было... почему, ну как это – так мало дают оркестровых репетиций! Я же их не слышу со сцены, смотрю в монитор, не отрываюсь от монитора, стою столбом, так нельзя! А закончила – и слышу: на четверть тона выше увело, ну как так! Позор... нет, ну это будет позор!

Мама носится по квартире, хватается вещи, бросает. Я еле увернулся, просочился в свою комнату. Но слушаю.

– Маш. Ну, чего ты всё про позор. Ну, при чём тут... ты всё время будто снаружи себя слушаешь, ну зайди ты внутрь, поищи себя там.

– Да? Тебе хорошо... А как Игорь не туда вступил сегодня, и всё... И как мне?! Куда мне? Поперёк него или поперёк оркестра?..

– Как-как... по обстоятельствам, ну что ты, ну что ты. Если на репетиции было, на спектакле не повторится. В другом месте будет косяк, ты же знаешь.

– Илюша, вот ты специально сейчас, да? Ты сейчас специально?!

– Ну, Маш... ну, пошутил я. Ты на ужин вообще чего хочешь? Мясо будешь? Я соус вкусный купил...

– Острый? Ты прямо извести меня хочешь перед премьерой, да?!

– Да не острый. Да обычный же. Ну что ты, ну что ты.

...Удивительное дело. Она может без конца вот так говорить, думать про завтра, нервничать. И выглядит так, будто у мамы премьера, да? А ведь у папы тоже! У него тоже. Они вместе поют. Но он никогда вот не психует, не ломает расчёски, не хлопает дверцами шкафов. Он спрашивает: что тебе приготовить? Он будет утешать, слушать, кормить...

Но потом, уже ночью, он будет сидеть на кухне и смотреть клавиш. Ноты. Ему нужно время, когда – не трогать. Если я что спрошу – не услышит. И всегда нальёт себе чаю. И чай всегда остынет.

Так и сидит... сто чашек вокруг себя соберёт.

Вот же родители у меня. Живут работой.

Я так не смогу. Я вот, интересно, действительно их сын? Или они меня усыновили? Трудоголики психические... Ну, я не понимаю, правда. Как так можно.

Вы, может, думаете, у них там премьера века? Типа там великая музыка, да? Высокое искусство?.. Ха.

Я вечером спрашиваю, как прошёл спектакль, и выясняется, что у мамы роль была – кушетка. А у папы – кресло.

Нормально, да? Поющая мебель. Это вот мама так страдала с утра, наорала на ребёнка, можно сказать, ни за что, а потом – кушетка.

И убивается, что вдруг там кто-то не туда вступил, Игорь какой-то. Казалось бы, ну ведь это не ты. Не твоя ошибка! Чужая! А вот же.

* * *

– Иван, ну ты даёшь вообще. А что, по-твоему, искусство? Они там только королевских особ, что ли, должны играть?

– Ну, не кушетку же!..

– Так, на всякий случай, для общего развития. Это опера Равеля, «Дитя и волшебство». Там мальчик ведёт себя довольно безобразно, уроки не делает...

– Стоп, это что – намёк, что ли? Другую оперу нельзя было выбрать?

– А кто выбрал? Ты и выбрал. «Поющая мебель». Так вот, мать его наказывает...

– Жестокая женщина!

– Да и мальчик не подарок, надо сказать. Он злится, белку обижает (у него ручная белка), вещи разбрасывает. Кушетку пинает! И вещи оживают...

– Кушетка?

– Кушетка! А Кресло её защищает, между прочим.

– И поёт?

– Удивительная интуиция, именно так и есть. Ещё, кстати, и танцует: это опера-балет, Равель тогда искал новые формы... Вань, это я к чему. Есть зайчики, слоники, всякое приходится петь, случаются и так себе спектакли. Но Равель! Это хорошая музыка, самая настоящая.

– А я разве что? Может, я прямо обязан знать этого вашего Равеля? Это всё ты, это ты про меня пишешь. Ты вообще уверена, что про меня?!

– Не уверена. Вообще ни в чём не уверена. Но знаешь... я ведь тоже слушаю. Прислушиваюсь.

* * *

Я пробовал. Раньше пробовал что-то делать. Но это всегда приводило к печальным последствиям.

Однажды я просто на диване лежал и думал: вставай, тюлень, хватит валяться... пора! Хотя ничего было не пора, это я так. У меня тогда телефон сел, вот я и уговаривал себя встать, зарядник поискать. И это... уговорил. В общем, я так умудрился встать, что зацепил провод от торшера. И он рухнул прямо на цветок. А цветок нам Аня Чумакова подарила.

Ни цветка, ни горшка, ни лампочки. Молодец я, да?

А ведь говорил себе – не вставай, полежи ещё...

Из-за горшка и лампочки родители почти не расстроились, а вот цветок папа любил. Он вообще любит цветы.

Папа, конечно, огорчается. Не понимает, почему я такой тюлень. Раньше он меня тормозил: Иван, давай! Зарядка! Лыжи! Спорт! Движение – жизнь!

А потом, наверное, у него силы кончились. Ну, представьте себе: вы толкаете, толкаете колесо, а оно не едет. Кажется – вот, вот сейчас! А оно всё никак. Потому что оно сломанное... или нет. Потому что оно вообще не колесо. Просто я – не колесо!

Как-то у папы случился выходной. И он так огляделся по сторонам, осмотрел квартиру – и увидел, как я лежу. Давно уже лежу и не встаю. Тогда он решил растолкать меня и вывести на улицу, типа турник там. Потому что он сам подтягивается двенадцать раз. А я ни одного.

...В общем, мы и не дошли даже до турника. На лестнице в подъезде я поставил ногу мимо ступеньки. И очки разбил.

Так что я не просто так тюлень.

Это меня жизнь научила: любые активные действия приводят к какой-нибудь ерунде.

Мне надо разве что ходить. Ходить я умею. А любая попытка ускориться...

Вот Джефф, например, гоняет на самокате. Любит. В школу, из школы. Прыгает на нём, делает всякие штуки.

Ну, и я попросил. Чего там, самокат; не надо ничего особенно уметь.

Разогнался, объехал вокруг школы. И там такая трещина, не очень большая. В асфальте.

Навернулся со всей дури. Рёбрами об руль, и джинсы слегка порвал. Но и это ничего; одной дырой больше, одной меньше.

Главное, Варя видела. Есть у нас такая в классе, Варя М. Ну, короче. Да нет, просто Варя; прямо возле неё я и занырнул в асфальт. И такой лежу. И Варя: может, тебе салфетку дать? И я снизу смотрю на неё и молчу. Не вдохнуть, рёбра болят. Идиотская ситуация. Потом две недели ещё смеяться больно было.

Нет, я теперь буду только пешком ходить. Если человек пешеход по жизни – нечего и пытаться встать на колёса.

* * *

– Ускорение, понимаешь? Всё из-за ускорения!

Стоун рассказывает нам свою новую идею. Как улучшить реальность.

– Да хватит уже со своим ускорением, – говорит Джефф.

– Ты можешь заткнуться? – очень вежливо спрашиваю я Джеффа.

Джефф вообще хороший друг. Но Володя Стоун изменит весь мир. Если доживёт.

Я недавно видел картинку: там два ребёнка болтаются на перекладине, будто бы на уровне десятого этажа. И один спрашивает другого: «Ты кем хочешь стать, когда выживешь?»

Это про Стоуна. Я хочу, чтобы он выжил. Иначе кто ещё спасёт человечество. Не мы же с Джеффом, два ленивых придурка.

Вот бы моим родителям было счастье, если бы им достался Стоун, а не я.

Я жду, что там дальше будет про ускорение, но Володя молчит. Конечно, что ему нам ещё чего-то там объяснять.

– Значит, у Стоуна физика, а у тебя брандмауэры, – говорит Джефф.

Мы идём из школы вместе, вернее, сначала провожаем Стоуна. Так повелось с пятого класса, когда Володю вдруг стало некому забирать из школы. И его мама попросила меня: «Иван, ты такой взрослый. А Володя у меня такой... такой невнимательный!» В общем, решили, что няня такому взрослому парню уже не нужна, но подстраховать всё же нужно. Чтобы их Володя не ушёл куда-нибудь на другую сторону галактики, или где его обычно носит. А потом так и пошло: никакой обязанности вроде бы нет. Если у нас с Джеффом какое дело – можно сразу бежать. Но обычно из школы мы идём втроём до стоунского подъезда, а потом разбегаемся.

– У тебя, Творогов, брандмауэры, – повторяет Джефф, – и ещё сочинения вон пишешь. А Стоун у нас вообще гений. То есть я один между вами такой бессмысленный идиот, да?

– Зато красивый, – говорю я Джеффу. И он лупит меня рюкзаком в ухо, больно, кстати! Даже голову вправо не повернуть.

– Ладно, извини, – добавляю я. – Ты совсем не красивый. Просто урод!

...Теперь голова не поворачивается влево, и я так аккуратно смотрю прямо. Гордо так.

– Ваня, стой! Стоун исчез!

Как это – исчез? Издевается, что ли, – я из-за шеи теперь даже обернуться не могу! Разворачиваюсь полностью, всем туловищем и вижу – то есть не вижу. Не вижу Стоуна. Правда исчез.

И тут из люка показывается рука, левая. Как в каком-нибудь хорроре. Мы бросаемся к этому открытому люку:

– Живой?!

– Да нормально, – отвечает Володя, – только очки куда-то делись...

Мы светим ему телефоном, очки находятся, Стоун вылезает из люка без всяких повреждений. Как он вошёл в этот открытый люк? И кто так оставил, разве так можно! Хорошо,

неглубокий – и потом, вот же способность у Володи: складываться, вписываться в реальность... даже если это канализация.

Стоунская беспомощность – это миф. Он никогда и нигде не пропадёт. Его какие-то высшие силы вывозят всякий раз; вот и с люком этим. А так Володя Стоун в Лондон летает несколько раз в году, один. У него в Лондоне тоже дом – там его отец живёт, настоящий англичанин, профессор математики. Однажды этот отец Володю потерял в аэропорту: вот не вышел мальчик в нужную дверь, и всё тут. Все на ушах стояли! А потом Володя взял и обнаружился уже в квартире. Как он туда попал – не помнит, вроде на метро ехал. Задумался. В общем, с этим парнем никогда ничего не случится. Зря его мама так волнуется.

– Надо что-то сделать, – сказал Джефф.

– То есть?

– Ну, люк. Ведь нельзя же так оставить, ещё кто-то упадёт!

Надо же. А мне и в голову не пришло.

А чего сделать? Знак какой-то надо... Где его взять? Хоть бы железяка какая валялась...

– Скамейка!

Мы втроём тащим скамейку, она тяжеленная. Но мы ставим её поперёк тротуара; теперь любой увидит. И ещё Джефф достаёт маркер и пишет на скамейке:

«DANGER!»

Ну и я внизу подписываю:

«Открытый ЛЮК!»

Потому что красивые эффекты – это, конечно, да. Но не все в нашей стране умеют читать по-английски даже такие простые слова.

...Никогда бы мы со Стоуном не дотащили эту скамейку. Особенно я со своей шеей. Всё же вот эти мускулы – они да; от них бывает польза. Хорошо, что с нами Джефф, толковый он парень бывает.

* * *

– Калинин – четыре... Птичко Всеволод – три, Птичко Роман – четыре, Стоун – пять, Творогов – два, Федченко – пять...

О, прекрасно. Я радуюсь. У меня две пятёрки. Стоуна и Федченко. И самое ценное – четвёрка, калинкинская. Ай ли я не молодец; на пятёрку любой дурак сможет. Попробуй на четыре написать, чтобы выглядело нормально.

А в журнал мне идёт два, конечно. Но это как всегда, это обыкновенно.

На перемене Федченко отдаёт мне деньги. Небольшие, а мои: сочинения – честный заработок. Калинин остался должен; а со Стоуна, конечно, я никогда не возьму ни копейки.

Мне, в общем, доставляет удовольствие писать эти сочинения. Будто примерять на себя чужую шкуру. Как бы написал Федченко? Уж совсем не так, как Стоун. А Калинин сложнее всего. Чтобы Марьяша поверила: это он сам. Если есть выбор, я стараюсь разные темы брать, чтобы обо всём поговорить. А если выбора нет, то я в этих сочинениях сам с собой спорю. Чтобы не спалиться, не написать два раза одно и то же. Ну, и потом, конечно, уже нетрудно, даже смешно – изобразить самого себя, дебиловатого двоечника.

– И кассеты ещё остались, но магнитофона нет.

Это я мимо шёл, гордился своими сочинениями; и вдруг услышал. Вот бывает же так – думаешь об одном, и тут бац – совсем другое. И про сочинения я сразу забыл. Ну, это из-за голоса. Такой вот голос – человек говорит про кассеты, на которых раньше музыку записывали. Чего такого. А у меня в организме какой-то сбой произошёл, все системы отказали. Особенно

мозг. Вот я и остановился, завис. Слушаю – вдруг человек с таким голосом сейчас скажет что-нибудь ещё.

– Может, найти где-то магнитофон и переписать. Наверняка же остались, не могли же они умереть все.

Варя М. поднимает плечо, левое. И так стоит. А потом опускает – надо же, это совсем мой жест, я часто так делаю.

– У меня есть магнитофон. Кассетный, – говорю я.

Обыкновенно так говорю. Как будто я каждый день разговариваю с Варей М.

И добавляю:

– Хочешь, принесу. Если не забуду.

Повернула голову. Посмотрела. Кажется, первый раз посмотрела в мою сторону вообще. А, нет. Второй. Первый – это когда я ей под ноги с самоката упал.

* * *

Она сказала – придёт! Сама! Возьмёт у меня магнитофон.

Я так обрадовался, прямо как дурачок какой. Даже не пошёл никуда ходить, сразу домой. И проверил – точно работает этот магнитофон? Вставил туда кассету, какая попалась, а попалась почему-то виолончель. Кассета без подписи, и там виолончель соло. Кажется, Бах. Это папино, он такое любит. Я бы в другое время послушал даже, но сейчас мне не до виолончели и не до Баха, главное – магнитофон работает!

Я лёг на диван... встал. Не ложится. И впервые в жизни посмотрел на себя в зеркало с пристрастием – в чём мне быть?.. Не в этих штанах, это ясно; джинсы надену. И рубашка клетчатая мне вроде идёт... или нет, лучше вот эта футболка, вроде как такой небрежный стиль, – нет, как будто это не я; может, это? Фу, нет. Чего у меня одежды нормальной нет никакой?!

Четыре часа; обещала же без четверти. Ну, и где?.. Нет, я прямо сам как девочка. И чего я вырядился, это же ужас – подумает ещё, что я специально для неё! Я выдернул другую футболку из ящика, из самого низа – зелёную, мятую. И маленькие дырочки даже. О! То, что нужно. Типа мне вообще всё равно, как я выгляжу. Это нормально. Хотя зелёный цвет мне идёт – любимая была футболка.

Звонит!

– Привет.

– Привет! – говорю я своим самым обычным голосом. – Чай будешь? Или кофе сварить?

– Я только магнитофон заберу, и всё. Да не надо ничего, Ваня, спасибо.

...В общем, она всё же зашла. И у неё оказались дырявые носки. Нет, ну как?!. Ей, значит, вообще неважно, в чём она?

Одежду я не рассмотрел, глаз не мог на неё поднять. Только на носки эти и смотрел, с зайчиками. Тоже мне, носки с зайчиками. С дыркой!

Варя. Ну, что ты за человек, как так можно? Тебе вообще всё равно, да? Что о тебе подумают, неважно? Что я о тебе подумаю?

А что я подумаю?

* * *

– И чего, работает магнитофон? Послушала свою кассету? – спрашиваю я.

Она кивает.

– А что за кассета, а?

Просто спрашиваю. Вообще ведь у меня есть повод для разговора, да? Магнитофон ей дал, в конце концов. Это же не слишком навязчиво – такие вопросы задавать? Чего она молчит?!

– Там... Старая музыка, в общем.

– Ну да, на кассете же... Советских времён, да?

Она поднимает плечо:

– Шестнадцатый век.

Я внимательно на неё смотрю. Троллит меня? Нет. Тоже смотрит. У неё глаза в крапинку, чуть-чуть разного цвета. Левый светлее.

– Виола да гамба? Лютня? – спрашиваю я очень тихо.

Плечо опускается. Варя молчит. Молчит долго. И я молчу, но это уже по-другому; я отбил пас и теперь жду ответа от неё.

– Джон Дауленд, – говорит она. И внимательно так смотрит на меня.

Ух ты. Я знаю, кто это, совершенно случайно знаю. Дуракам везёт. Поэтому я выдерживаю её взгляд, не отвожу глаз.

– Flow my tears, – говорю я медленно. И даже пою: – Flow, my tears, fall from your springs...

И сам удивляюсь – как точно попал голосом на это *fall*, и даже удержался, как будто и правда умею петь.

– Ваня. Откуда ты знаешь?! Этого не может быть, откуда? Ты? Знаешь?

Ха. Дело сделано. Варя обратила на меня внимание, Варя М. Снизошла.

– Просто у меня родители – оперные певцы, – говорю я.

– Чего? Ваня, ты сейчас серьёзно?!

– Нет, конечно.

– Пошутил, что ли?

– Нет. Не пошутил. Просто «родители – оперные певцы» – это совсем не так серьёзно, как кажется.

И нет, я ничего не объясняю про кресло и кушетку. Просто киваю и ухожу. Отправляюсь дальше играть свою роль придурка. И иногда ловить на себе один такой изучающий взгляд. И делать вид, что мне это неважно. Неважно, неважно!

Джон Дауленд: какое счастье, что папа поёт эту музыку иногда, когда посуду моет. Именно это на днях пел, про слёзы. Я ещё не понял – почему «spring», это же «весна»; и он объяснил, что «springs» – это родники, источники. Слёзы ручьём. Вода текла в раковину, а папа мне рассказывал. Удивительный вообще человек. Не папа, а Джон этот Дауленд. Как знал! Чёртовых триста лет назад... или сколько там?

Погуглил. Родился в 1563 году. Полтысячи лет назад. С ума сойти.

...Интересно, когда он такое писал – это настоящие были слёзы? Прямо из глаз потоками? Или это всё так, выдуманное страдание, для красоты? И ещё потом радовался – о, какие отличные вышли слёзы. Люди будут петь, останется в веках. Творогов вон будет исполнять... для какой-нибудь Вари М.

* * *

Я люблю геометрию. Прямоугольные треугольники – они как... как нос у Вари М. Вот такой нос, треугольный, хоть теорему Пифагора изучай. У неё вообще смешное лицо. И оно так... так высоко находится от земли, это просто кошмар. Смотрю, как идиот, снизу вверх. Чего она такая длинная? Я ведь не очень маленький, нормального роста.

«Сумма двух катетов равна...» Вершины треугольника назовём В и, например, А, и... Р?

– Молодец, Творогов, – говорит Антоныч, проходя мимо. – Наконец-то стал нормальные чертежи делать, внимательные. А то как курица лапой, ничего не разберёшь.

* * *

Болтаюсь по городу. Смотрю. Холодно, уже давно холодно. Я смотрю на город поверх людей. Наверное, это неправильно: думать, что город лучше людей, интереснее. Ведь строили его тоже люди. Проектировали, рисовали эскизы, потом просчитывали, потом кирпич, штукатурка... не сам же он вырос, не сорняк. Но вот я смотрю на людей – одни разносят еду, другие смотрят в телефон, третьи несутся в своих машинах, сигналият, четвёртые просто болтают. И – хоть один из них посмотрел вверх? Для кого строили?!.

Дело в том, что людей много. Строят города не все. Не всё человечество, а отдельные люди. К этим отдельным людям я очень даже с уважением отношусь. Они лучше меня – я-то ничего не делаю, просто смотрю. Зато вот эти, которые не вытыкаются из телефона, – не видят. Которые бегут домой спать, и потом на работу, и в магазин. И спать.

А я смотрю. И вижу.

Этот город построен для меня. Чтобы я смотрел. Ну, для таких, как я.

...Девчонки фотографируются. У них красивые волосы, красивые пальто. Чего там говорить, они и правда красивые. И город для них – просто фон. Да?

Нет. Они тоже видят. Не один же я такой. Вот, мне кажется... мне почему-то кажется, что Варя тоже что-то такое видит. Варя М.

* * *

– Тебе куда? – спросила она.

Прямо вот в то самое время, когда я думал – заговорить, не заговорить. Это нормально – что-то сказать, ненормально... И как потом. Ну, как вот так... теоретически же иногда люди идут вместе из школы, да?

Прямо концепцию пытался выстроить, стратегию. Как, значит, сначала я это, а она то, и потом я такой... И так – на сто пятьдесят четвёртом ходу – можно будет выйти из школы вместе. Ну, не в том смысле, что вместе. А просто – одновременно. Как бы случайно.

И тут она берёт и спрашивает: тебе куда?

– Да мне всё равно, – говорю. – Я же пешеход. Люблю ходить.

И тут же сообразил – надо было сказать, куда мне. И так бы случайно совпало, и... Ну, я же прекрасно знаю, куда ей.

...В общем, пока я опять тормозил и выстраивал алгоритмы – она уже оделась и пуговицы застегнула. Пуговицы у неё... не молния. Неправильно застегнула, кстати.

И вот она уже уходит, Варя М. А я, значит, стою, как дурак.

...И тут она обернулась и говорит:

– Ну, ты идёшь, нет?

Нормально вообще?!.

– Ваня! Представляешь, я сегодня прочитала: «Осторожно, работает экватор». Удивилась ещё, как это экватор может работать или не работать?

– А на самом деле?

– Эвакуатор же!

– А, ну конечно. А письма отравленные, видела? – говорю я.

– Да! И ещё «время отравления», это на билете, в поезде.

Везёт человеку, я на поезде последний раз ездил в пять лет. Но я не успеваю подумать об этом, потому что вспоминаю ещё одно:

– А сырок тревожный. Да?

– Ну, это-то само собой.

Смешно. Я раньше думал, это только я читаю не то, что написано.

– Ага. А ещё, Ваня, я тебе говорила или нет? У нас на даче везде таблички с телефонами, и я там прочитала: «Откачка скептика».

Мы смеёмся вместе. Я смотрю на себя со стороны и удивляюсь, как естественно себя веду.

Откачка скептика. Откачайте меня, пожалуйста.

* * *

Пока я был маленький – часто в театре болтался, спектакли смотрел. Ну, а куда мне было деваться, если родители там? Один из самых приличных спектаклей был – «Маленький принц». Его уже давно сняли, а жаль. Там был Лис. И вот этот Лис говорил, что будет смотреть на пшеничные колосья и вспоминать его, Принца, волосы.

Мне сейчас это очень понятно. Смотреть на треугольники и думать про чей-то нос, например. На геометрии. Но и ещё вот что: я ехал на автобусе, и он повернул к реке. И я увидел на той стороне парк, вот эти осенние деревья. Рыжие, жёлтые, разные такие. Ну, чего я буду – сами знаете. В багрец и золото, и всё такое прочее. Миллион раз все видели, и миллион раз про это написано. И нарисовано, и сфотографировано. Чего хочешь. А всё равно. Вот так смотришь – осень! Красиво.

И тут я подумал (первый раз, кстати), что вот эти осенние листья – как у Вари волосы. Ну. Она не то чтобы рыжая, совсем нет, не поймёшь, какой цвет. Осенний. Они у неё просто такие... всклокоченные. Вот. Так что осенний парк теперь тоже Варя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.